

Тайнство обновления

Сов. Россия. — 1988. — 139 стр.

К 80-летию со дня рождения народного
артиста СССР Ростислава ПЛЯТТА

Однажды Ростислав Янович Плятт сказал, что одна из лучших созданных им работ... тапёр в инсценировке одноименного чеховского рассказа (был такой спектакль на сцене Театра Моссовета много лет назад — композиция из нескольких новелл Антона Павловича). Но не странно ли, что и сегодня один из крупнейших наших мастеров сцены и экрана в день своего восьмидесятилетия, отмеченного целым шлейфом выдающихся работ как классических, так и современных (их более 200 — в театре и около 50 — в кино!), вновь среди самых памятных называет ту же самую роль?!

— Никогда не забуду чеховского тапёра, — говорит Ростислав Янович. — Собственно, роль крошечная — это примерно двенадцатиминутный монолог неудачника, студента, который мечтал стать пианистом, а стал обычным тапёром...

Драма?... Гротеск?... Нет, целая человеческая жизнь, прожитая в несколько сценических мгновений! По общему признанию, лучшая роль первого послевоенного театрального сезона в Москве. О Плятте сразу же заговорили как о выдающемся мастере театра.

Как жаль, что эта работа артиста не оказалась зафиксированной на киноплёнке, она осталась лишь в словесном описании да в памяти очевидцев! А ведь в ней уже тогда раскрылось зерно особенности таланта Р. Плятта — умение в обыденном, психологическом рисунке роли почувствовать и глубину чувств, и смех сквозь слезы, и драму «маленького человека», в котором так и не раскрылся великий артист, быть может, родственник шалашинскому гению.

— Я ведь актер характерный, — признается Ростислав Янович, — очень редко играю самого себя, а тут и не надо было, все получилось... Созданные роли — театральное таинство: как его объяснить? Интуиция, фантазия, воображение... Этому трудно научиться, этим надо обладать. И все-таки: с чего все начиналось?

— Первое творческое открытие себя, — вспоминает Ростислав Янович, — это, пожалуй, неосознанное потрясение Шалашпиным. Мне было тогда лет десять. Совсем мальчик, но меня как будто что-то царапнуло по душе. Незабываемое открытие — там, на сцене, происходит нечто гениальное!..

Работа с таким режиссером, как Юрий Завадский, — это мое творческое счастье! Он искал синтеза знаменитой системы Станиславского с покоряющей театральностью школы Вахтангова.

...Вспоминается, как однажды Юрий Александрович Завадский (а было это одно из последних выступлений Мастера) собрал в фойе театра театральную общественность, чтобы поделиться своими раздумьями о том, каким должно стать сценическое искусство, чтобы не отстать от времени. Его волновали правда и поэзия, их единство на сцене. Он читал сбалансированный отрывок из пушкинского «Каменного гостя» — сцену у Лауры. «Здесь, — говорил он, — от-

крыто таинство вечного обновления нашего искусства... В словах Лауры: «Да, мне удавалось сегодня каждое движение, слово, я вольно предавалась вдохновению. Слова лились, как будто их рождала не память рабская, но сердце... Правда!..» Он выделял эти слова.

Не в этом ли единстве Сердца, Правды и Вдохновения и состоит главный секрет узнаваемой и всегда столь неожиданной поэтической жизни многих героев Р. Я. Плятта? Ювелирно отточенных его мастерством, глубоко своеобразных по психологической разработке, точных по сценическому рисунку и всегда чрезвычайно по-человечески интересных. Будь то его знаменитая роль Крогстада в ибсеновской драме «Нора», Бурмин в пьесе К. Симонова «Парень из нашего города», фон Ранкен в пьесе Л. Андреева «Дни нашей жизни» или — Бернард Шоу в «Милом лжеце» Д. Килли, Цезарь в «Цезаре и Клеопатре» Б. Шоу, Купер в драме «Дальше — тишина» В. Дельмара. Какие поразительные актерские дуэты возникали на сцене, когда Ростислав Янович играл рядом с Любовью Орловой, Верой Марецкой, Фаиной Раневской, молодой Маргаритой Тереховой...

— Магия театра в том, что прямо у тебя на глазах голая сцена может вдруг заискриться жизнью, — говорит Плятт. — Да, актер только в театре испытывает удивительное, можно сказать, уникальное ощущение сиюминутности встречи со зрителем.

Сейчас принято упрекать театры в отсутствии спектаклей, которые бы брали зрителей за сердце. На сцене преобладает публицистика, и это соответствует духу времени, тем преобразованиям, свидетелями которых мы становимся ежедневно. Перестройка касается всех сфер нашей жизни, и искусство — театр в том числе — не исключение. Но публицистика все же больше обращена к разуму человека, а люди хотят еще и волноваться, и страдать героям, и сопереживать вместе с ними их радости и тревоги.

Нет, справедливо сказано: мир большого актера — мир бесконечного театрального таинства. Ну а кино? Разве мы не помним до сих пор обаятельных чудачков — киногероев Плятта в фильмах «Подкидыш», «Мечта», «Слон и веревочка», «Первоклассница»?.. Разве не близки нам образы его физика Данкевича из картины «Иду на грозу», разве не поражают нас артистизмом тот же пастор Шлаг из «Семнадцати мгновений весны» или Казин в «Ошибке резидента», прокурор в «Аварии» или тесть в «Послесловии»?.. Какое разнообразие жизненных типов!..

И все-таки недаром кто-то точно сказал, что главная роль, которая сполна удалась Ростиславу Яновичу, — это Жизнь. Он влюблен в нее как большой артист, как настоящий художник, как глубоко чувствующий и интеллигентный человек, несущий людям радость творческого открытия и доброту своей сердечности!..

Л. НИКОЛАЕВ,
В. МАРТЫШИН.